

33. Санкт-Петербургские ведомости. 15 сентября 1870.
34. Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы. 1848-1896. М., 1991. С. 126.
35. Там же. С. 123.
36. Шнейерсон Л.М. Указ. соч. С. 3.

Alexander V. Ladygin

Ladygin Alexander, assistant of the Department of General History of Urals State Pedagogical University (620017, Russia, Ekaterinburg, Kosmonavtov Avenue, 26).

Телефон/Phone: +7 (343) 235-76-34.

THE FRANCO-PRUSSIAN WAR AND THE RUSSIAN LEGAL JOURNALISM

The article is devoted to determination of the degree of influence of the Russian printed media on the formation of public opinion and developing the foreign policy course of the Russian ruling elite during the Franco-Prussian war of 1870-1871. The author reveals the factors that influenced the transformation of the image of Germany and France during the war, and the mechanisms by which writers and journalists were implemented images belligerent powers in the mass consciousness of Russian society.

Key words: media, journalism, public opinion, mass consciousness, foreign policy, Franco-Prussian war of 1870-1871.

И. В. Неволнина

Неволнина Ирина Владимировна, аспирант кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета (620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26).

СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ 1939-1941 гг. В АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В статье анализируется англо-американская традиция изучения советско-германских отношений 1939-1941 гг. Автор выделяет несколько этапов в изучении проблемы, раскрывает особенности каждого из них. Подчеркивается, что развитие англо-американской историографии советско-германских отношений испытало на себе влияние политического и идеологического факторов, особенно в период «холодной войны».

Ключевые слова: историография, англо-американская историография, советско-германские отношения, Вторая мировая война.

Чтобы стереть белые пятна на карте памяти и заново обдумать свое отношение к прошлому, имеет смысл прислушаться к другому - не важно, бывшему противнику или союзнику...

М. Габович

В истории каждой страны есть события, которые становятся значимыми не для одного поколения людей, память о которых хранится, пересматривается, постоянно привлекает к себе интерес. Советско-германские отношения 1939-1941 гг. на протяжении уже более шестидесяти лет находятся в центре внимания зарубежных и отечественных историков. Срыв англо-франко-советских переговоров, пакт Молотова-Риббентропа от 23 августа 1939 г. и секретный дополнительный протокол к нему, последующие соглашения между правительствами СССР и Германии, роль этих договоренностей в возникновении Второй мировой войны, характер отношений между Москвой и Берлином в период действия договора о ненападении, причины военного столкновения между Германией и СССР в 1941 г. – это те вопросы, которым посвящено огромное количество исследований, а обсуждение их ведётся не только на страницах научной, общественно-политической литературы, но и в средствах массовой информации. Чем обусловлен такой повышенный интерес к событиям шестидесятилетней давности? Во-первых, сложностью и неоднозначностью процесса расстановки военно-политических сил накануне войны. Во-вторых, многолетними попытками официальных историографий представить своих стран в этот период в более благоприятном свете, чем это было на самом деле. В-третьих, тем, что, как отметил известный английский ученый Дэвид Лоуэнталь, «история всех событий современности начинается в более или менее отдаленном прошлом»(1). Эхо советско-германских договоренностей

1939–1941 гг. нашло своё отражение в конце XX — начале XXI вв. в отношениях современной России с Польшей и странами Балтии.

Актуальность и дискуссионность вопросов, связанных с советско-германскими отношениями 1939–1941 гг., заставляют исследователей обращаться не только к собственно перипетиям этих событий, но и к опыту их изучения учеными различных стран, прежде всего Великобритании и США. В отечественной историографии до конца 1980-х гг. господствовала одна, официальная версия событий 1939–1941 гг., основные положения которой не подвергались сомнению и не обсуждались; в ФРГ в течение долгих лет основное внимание историков было сосредоточено на процессе «преодоления прошлого» (*Vergangenheitsbewältigung*), в то время как в исторической науке США и Великобритании на протяжении всех послевоенных лет сохранялся устойчивый интерес к международным отношениям кануна Второй мировой войны и ее начального периода. Неразрывная связь национальных исторических школ США и Великобритании (значительная общность взглядов, совместная реализация исследовательских программ, регулярный обмен кадрами) позволяет говорить именно об англо-американской традиции изучения советско-германских отношений 1939–1941 гг.

В истории изучения событий 1939–1941 гг. в Великобритании и США можно выделить несколько этапов. Первые британские исследования причин Второй мировой войны и событий, ей предшествовавших, относятся к 1940-м гг. С момента объявления войны, а особенно после ее окончания, когда страна еще переживала много трудностей, а в памяти населения были свежи преступления нацистов, первостепенный интерес вызвала проблема происхождения этого военного конфликта. Самым острым был вопрос: «Можно ли было предотвратить столь трагический ход событий?» В этот период шел активный поиск главного виновника развязывания войны, виновника нападения на Великобританию. Интерес исследователей к внешнеполитическим вопросам стимулировало и издание документов Форин Оффиса, начавшееся уже в 1944 г.

Большую роль в формировании официальной версии событий 1939–1941 гг. в первые послевоенные годы сыграли непосредственные участники, свидетели событий тех лет. К концу 1940-х гг. в британской историографии утвердилась концепция У. Черчилля (премьер-министр Великобритании в 1940–1945, 1951–1955 гг.), суть которой заключалась в осуждении политики «умиротворения». В труде «Вторая мировая война» автор дал подробный анализ расстановки военно-политических сил накануне 1939 г. Самым роковым шагом, приблизившим мир к порогу войны, Черчилль считал расчленение Чехословакии. Единственным

возможным выходом из кризисной ситуации, сложившейся к 1939 г., Черчилль видел в англо-франко-советском союзе: «Гитлер не мог бы позволить себе ни начать войну на два фронта, которую он сам так резко осуждал, ни испытать неудачу. Очень жаль, что он не был поставлен в такое затруднительное положение, которое вполне могло бы стоить ему жизни»(2). Если бы правительство Н. Чемберлена проводило более реалистичную политику, «история могла бы пойти по иному пути. Во всяком случае, по худшему пути она пойти не могла»(3). Советско-германское сближение Черчилль оценивал как единственно возможный, жизненно необходимый и реалистичный в тех условиях шаг советских политических деятелей. Подписание пакта о ненападении от 23 августа 1939 г., по его мнению, «знаменует всю глубину провала английской и французской политики и дипломатии за несколько лет»(4). Сам пакт для обеих сторон был «только временной мерой, продиктованной обстоятельствами». По мнению Черчилля, «Сталин, без сомнения, думал, что Гитлер будет менее опасным врагом для России после года войны против западных держав. Гитлер следовал своему методу "поодиночке". Невозможно сказать, кому договор внушал большее отвращение – Гитлеру или Сталину»(5).

Практически такой же позиции придерживался известный военный теоретик Б.Г. Лиддел-Гарт, отмечая, что Гитлер вообще не планировал большую войну: «Даже летом 1939 г. он говорил, что конфликта с Англией не будет»(6). Ответ на вопрос «Почему война все-таки началась?» следует искать в той поддержке, которую так долго оказывали Германии западные державы своей уступчивой позицией, и в их неожиданном повороте к «политике гарантий» весной 1939 г., после которого война стала неизбежной. Единственная возможность избежать войны, по мнению Лиддел-Гарта, заключалась в том, чтобы заручиться поддержкой России, единственной державы, которая могла сдержать Гитлера. Однако, несмотря на всю остроту положения, действия правительства Англии были «вялыми и неискренними», «Чемберлен питал чувство глубокой неприязни к Советской России, а Галифакс (министр иностранных дел Великобритании) – религиозную антипатию». В этих условиях Сталин занял позицию «сталкивания лбами» противников, а «главными виновниками этого являются те, кто был ответствен за проведение политики колебаний и спешки в обстановке, явно чреватой взрывом»(7).

К концу 1940-х гг. в исторической науке Великобритании формируется направление, приверженцы которого подвергли детальной критике политику умиротворения (Л. Немир, Р. Сетон-Уотсон, Э. Карр, У.Медликотт)(8). По словам К. Роббинса, «это поколение историков отражало взгляды общественности, для которой слова "умиротворение"

и "Мюнхен" стали уничижительными, а "антимиротворение" стало общим законом внешней политики»(9). Именно в этот период возникла концепция «Guilty men» (виновного человека), которая занимала серьезные позиции до 1960-х гг. Суть этой концепции заключалась в поиске конкретных виновников развязывания Второй мировой войны и провала англо-франко-советских переговоров(10). Крупнейший исследователь Второй мировой войны Д. К. Уатт отмечал: «Теория вины запала очень глубоко в общественное сознание свободного мира... Все представлялось как в детективе: участники войны делились на жертв и агрессоров. Чтобы истолковать проблемы внешней политики, было достаточно диагностировать грехи тех, кто ее проводил»(11).

Своеобразной была позиция крупнейшего британского историка Э. Карра. Карр, рассматривая проблему советско-германских и англо-франко-советских отношений в 1938-1941 гг., отмечал, что Гитлер долго колебался, выбирая союзника для реализации своих целей по расширению жизненного пространства. Да и в «умах советских лидеров царило глубокое и неискоренимое недоверие к немецкой политике». Лед в советско-германских отношениях начал таять только в июне 1939 г., что было связано с тупиком на переговорах с Великобританией и Францией. Проблема советских государственных деятелей была в том, что нужно было сделать выбор: война между Гитлером и советской Россией при нейтралитете западных держав или молчаливое благоприятствование Гитлеру. Союз с Западом потерпел неудачу, поэтому нейтралитет в войне между Германией и Западом, или, в худшем случае, союз с Гитлером, был единственным путем. В результате в то время, когда Гитлер был все еще в нерешительности, выступить ли сначала против Востока или против Запада, советскую Россию вынудили признать очевидное банкротство ее западной политики и необходимость достижения соглашения с Гитлером. Главная цель советской внешней политики, по мнению Карра, состояла в том, чтобы избежать изоляции. Результаты воплотились в договоре августа 1939 г.: «Это была гарантия того, что, если советской России пришлось бы в конечном счете бороться с Гитлером, западные державы были бы уже вовлечены в борьбу, и больше не могли бы ее избежать, перемещая главный удар нападения на Россию»(12).

На англо-американскую историографию советско-германских отношений 1939-1941 гг., безусловно, оказало влияние начало «холодной войны», конфронтация с советскими историками. Переплетение истории и политики было характерной чертой историографии послевоенного периода. Ситуацию обострила публикация в 1948 г. сборника документов «Нацистско-советские отношения. 1939-1941»(13).

Одним из спорных для британских историков был вопрос о том, кто проявил инициативу заключения советско-германского договора о

ненападении. Ряд исследователей консервативного направления предпринимали попытки объяснить причины провала тройственных переговоров «неконструктивной политикой Советского Союза» и его ориентацией на Германию. Еще в 1940 г. У. Медликотт заявил, что СССР «отказался в самый решительный момент от участия в эффективных мерах коллективной безопасности». Согласно точке зрения Медликотта, переговоры с Лондоном и Парижем использовались Советским Союзом как средство для достижения более выгодных соглашений с Германией(14). В 1948 г. Дж. Уиллер-Беннет сравнил советско-германский пакт с Тильзитом и Брест-Литовском. По его мнению, СССР следовал тем же курсом, который Англия и Франция проводили в Мюнхене, чтобы «купить мир и время для подготовки к войне за счет малых народов»(15). У. Ширер заявил, что в советско-германском сближении инициатива, безусловно, принадлежала советскому правительству, в то время как Гитлер долго колебался. В итоге состоялся «циничнейший сговор между двумя близкими по духу тоталитарными режимами», послуживший главным толчком для развязывания Второй мировой войны(16).

Следующий этап в развитии историографии событий 1939-1941 гг. был связан с новым поколением историков: тех, кто начал профессиональную деятельность уже после окончания войны (М. Гилберт, Д. Уатт, Р. А. Паркер, и др.). В 1963 г. молодые ученые М. Гилберт и Р. Готт выпустили работу «Умиротворители», в которой сгруппировали все доводы, показывающие пагубность внешнеполитического курса Великобритании. Однако эти авторы не усматривали «злого умысла» в действиях Лондона и Парижа. В «умиротворителях» они видели прежде всего сторонников «христианских идеалов», жаждавших «европейского мира» и процветания, но абсолютно неспособных разбираться в жесткой реальности мировой политики 30-х гг.(17). Данный труд носил скорее публицистический характер.

К исследованиям непрофессионалов относится и работа А. Дж. П. Тейлора. Он специализировался на истории Германии XIX- начала XX вв. и неожиданно для всех выпустил книгу «Происхождение второй мировой войны», в которой общепринятый взгляд на роль британского правительства в событиях, ведущих к возникновению Второй мировой войны, ниспровергался и пересматривался(18). Анализируя причины срыва тройственных переговоров, автор отмечал, что «стороны хотели соглашения, но далеко не одинакового. Англичане стремились к моральной демонстрации, достаточной для достижения соглашения с Гитлером на более приемлемых условиях. Русские хотели четкого военного союза на принципах взаимопомощи, который или остановит Гитлера, или обеспечит их безопасность». «По вине Лондона и Парижа, - считал Тейлор - были обречены на неудачу переговоры в Москве»(19). Герма-

но-советский пакт. по мнению Тейлора, не был союзом. это был взаимный обмен обещаниями о ненападении и нейтралитете. а секретный протокол определил сферы интересов... Трудно сказать, какой другой курс могла избрать Советская Россия»(20). Наибольший интерес вызвало заявление автора о том, что в развязывании войны виноват не столько Гитлер, сколько западные страны: «Объективно войну не только объявили, но и в значительной мере желали и стимулировали Англия и Франция»(21). Таким образом, было признано, что пакт Молотова-Риббентропа был логичной реакцией на политику Запада и в известной мере имел для СССР вынужденный характер. Книга Тейлора произвела «эффект смятения», вызвала огромный интерес и массу комментариев и возражений(22). Poleмика вокруг его концепции не затихала до начала 70-х гг. Исследование Тейлора оказало такой же эффект на историческую науку Великобритании, какой в России в начале 1990-х гг. произвела версия В. Суворова. Работа Тейлора заставила вернуться к вопросу о происхождении Второй мировой войны, многое переосмыслить. Актуальным стало обсуждение альтернатив политики британского правительства в 1939-1941 гг. Так, Р. Паркер, рассматривая международную политическую обстановку накануне Второй мировой войны, пришел к выводу, что одним из вариантов успешного противостояния агрессивной Германии было эффективное сотрудничество в рамках Лиги Наций. Однако «в правительстве, среди активных членов Консервативной партии, да и по всей стране было очень много тех, кто расценивал идею Лиги лишь как заблуждения идеалистов... Поддержка Лиги стала лишь маскировкой для изоляции»(23).

Настоящий переворот в изучении событий 1939-1941 гг. произошел в 1970-е гг. Толчком послужило открытие документов государственного архивного фонда по предыстории Второй мировой войны (согласно закону 1967 г.), вызвавшее подлинный ажиотаж в написании работ по истории внешней политики Великобритании. Исследователи получили доступ к материалам заседаний британского Кабинета и его Комитета по внешней политике. По словам Уатта, «публикация каждого нового выпуска документов сопровождалась всплеском интереса к событиям кануна Второй мировой войны... Первыми "сняли сливки" журналисты и публицисты, а потом дело доходило до историков-профессионалов»(24).

В литературе, вышедшей в свет в 1970-е гг., во многом по-новому освещались проблемы международных отношений 1939-1941 гг. и причины вступления Великобритании во Вторую мировую войну. В историографии наряду с умеренной критической оценкой действий британского правительства, которая содержалась преимущественно в работах либеральных историков, укрепилась тенденция пересмотра этой оценки.

Инициатива пересмотра, исходившая от историков консервативного направления, получила в историографии условное название ревизионистского(25). После открытия архивных фондов консервативные историки начали искать дополнительные аргументы (в противовес доводам либеральных критиков политики «умиротворения»), которые бы доказывали, как мало возможностей для маневра имело британское правительство во взаимоотношениях с фашистскими и милитаристскими государствами накануне Второй мировой войны. Историки-ревизионисты (К. Роббинс, М. Коулинг и др.) стремились утвердить тезис о «вынужденности» подобной политики для правительства Чемберлена, который добивался поддержания европейского мира и статус-кво в Европе, достаточно реалистически оценивая сложную обстановку в Европе. Политика «умиротворения», таким образом, выглядела в их интерпретации как прагматическая (тогда как либеральные историки нередко оценивали ее как результат внешнеполитических иллюзий, идеализма кабинета консерваторов)(26). Принимая во внимание противоречивые экономические и социальные факторы, и находясь под сильным политическим давлением различных групп внутри страны, Н. Чемберлен, по мнению Роббинса, вынужден был проводить такую внешнюю политику, которая не входила в его намерения. Ситуацию мог изменить только Советский Союз. Тройственные переговоры «могли бы увенчаться успехом и преодолением взаимного недоверия, но все усилия завершились драматической новостью о заключении советско-германского пакта»(27). В конечном счете, не снимая с консервативного правительства ответственности за «умиротворение», авторы характеризовали этот курс как часть государственной «оборонительной» политики, вполне естественной в сложившейся ситуации. «Ревизионисты» утверждали, что «ключи от мира» находились в руках советского руководства, и именно Советский Союз несет ответственность за развязывание войны в Европе(28). Большинство исследователей, тем не менее, сошлись в том, что признали толчком к сближению между СССР и Германией Мюнхенское соглашение.

К концу 1980-х гг. позиции «ревизионистов» постепенно ослабевают. Интерес к советско-германским отношениям 1939-1941 гг. заметно снижается. Как отмечает Дж. Робертс, это было связано с отсутствием новых источников: «Западные дипломатические архивы в течение 50-х, 60-х, 70-х гг. "извергли" свое содержимое. Советские архивы оставались прочно закрытыми. Комментарии по поводу советско-германских отношений 1939-1941 гг. появлялись в общих трудах по истории советской внешней политики, в социологических исследованиях, во время дебатов о вкладе стран во Вторую мировую войну. Но чаще это были лишь повторения ранее высказанных постулатов»(29).

Кардинальные перемены в международной политической жизни (и прежде всего, события в Советском Союзе) вызвали необходимость пересмотра устоявшихся концепций, переоценки многих спорных вопросов. Категоричность в трактовке тех или иных событий уступает место рассмотрению возможных альтернатив и более гибким формулировкам. Так, например, американский историк Г. Л. Вайнберг, оценивая советско-германские отношения 1939-1941 гг., пришёл к выводу, что главной целью советского правительства было стремление избежать изоляции, ради чего оно готово было заключить соглашение с любой из соперничающих группировок капиталистических государств(30).

Дж. Робертс в своей работе 1989 г. рассматривал советско-германское сближение в 1939 г. как «определенное стечение политических и дипломатических обстоятельств»(31). Анализируя историю заключения советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 г. и последующих соглашений, автор пришёл к выводу о том, что главным поводом к сближению Германии и СССР послужил крах тройственных переговоров. СССР преследовал цель избежать изоляции, а затем усилить безопасность посредством комбинации территориальных расширений и политического сотрудничества с Германией, и как можно дольше не вступать в войну. Внезапность нападения на Советский Союз — результат неверной оценки данных разведки и уверенности в том, что Великобритания стремится разжечь конфликт между Германией и Советским Союзом(32). С такими же оценками в 1990-е гг. выступали Д. Гланц и Дж. Хаслэм(33).

Таким образом, изучение советско-германских отношений 1939-1941 гг. в исторической науке Великобритании и США прошло несколько этапов. В 1940-е - 1960-е гг., с одной стороны, преобладало критическое отношение к политике умиротворения, с другой стороны, провал тройственных переговоров объяснялся зачастую прогерманской ориентацией СССР. С начала 1960-х гг. предпринимались попытки «романтизации» политики умиротворения, объяснения ее как последовательной и в принципе верной в сложившейся внешнеполитической обстановке. В то же время появление исследования Тейлора и расширение источниковой базы оживили интерес к событиям кануна и начального этапа Второй мировой войны. Как и в СССР, развитие англо-американской историографии советско-германских отношений испытало на себе влияние политического и идеологического факторов, особенно в период «холодной войны». Однако в Великобритании и США внешнеполитические проблемы оставались и остаются сферой интереса в основном академических кругов. Широкая общественность не проявляет такого интереса к событиям прошлого, как, например, в ФРГ или в России.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Лоуэнталь Д. Прошлое — чужая страна. М., 2005. С. 367.
2. Черчилль У. Вторая мировая война: Избранные страницы. М., 1998. С. 179-183.
3. Там же. С. 189.
4. Там же. С. 191.
5. Там же. С. 192-193.
6. Лиддел-Гарт Б.Г. Вторая мировая война. М., 1976.
7. Там же. С. 158.
8. Эти исследователи были непосредственными участниками событий: Л. Нэмир являлся сотрудником Форин оффиса, Э. Карр — дипломатом в прибалтийских странах, У. Медликотт — возглавлял созданное на период войны Министерство военной экономики, Р.Сеттон-Уотсон — служил в разведке.
9. Watt D.C. The Historiography of Appeasement // Crisis and Controversy. L., 1976. P. 112-116.
10. Aster S. Guilty men // The Origins of the Second World War. L., 1997. P. 62-78.
11. Robbins K. Appeasement. L., 1997. P. 3-5.
12. Carr E.H. German-Soviet Relations between the Two World wars, 1919-1939. N-J., 1979. P. 115.
13. Nazi-Soviet Relations 1939-1941: Documents from the Archives German Foreign Office. Wash., 1948.
14. Цит. по: Реутов Г.Н. Правда и вымысел о Второй мировой войне. М., 1975. С.130-131.
15. Там же. P. 154.
16. Taylor A.J.P. The Second World War. L., 1975.
17. Taylor A.J.P. The Origins of the Second World War. L., 1962.
18. Виноградов К.Б. Очерки английской историографии нового и новейшего времени. М., 1975. С. 89; Watt D.C. Appeasement: the Rise of a revisionist School? // Political Quarterly. 1965. Vol. 36. №2.
19. Shirer W. The Rise and Fall of the Third Reich. L., 1960.
20. Ibid. С. 132.
21. Согрин В.И., Зверева Г. И. Современная историография Великобритании. М., 1991. С. 287.
22. Watt D.C. Op. cit. P. 119.
23. Parker R.A.C. Alternatives to appeasement // The Origins of the Second World War. P.215-220.
24. Watt D.C. The Historiography of Appeasement. P. 110.
25. Ibid. P. 156.

26. Robbins K. Op. cit.; Cowling M. The Impact of Hitler: British Politics and British Policy, 1933-1940. Chicago; London, 1977.
27. Robbins K. Op. cit. P. 86-87.
28. Ibid. P. 15.
29. Roberts G. The Unholy Alliance: Stalin's Pact with Hitler. Bloomington, 1989.
30. Weinberg G.L. The Foreign Policy of Hitler's Germany. Starting World War II, 1937 – 1939. N-J., 1994.
31. Roberts G. Op. cit. P. 24.
32. Ibid. P. 5-19.
33. Glantz D.M. The Military Strategy of the Soviet Union: a History. L., 1992. P. 55-95; Haslam J. The Soviet Union the threat from the East. 1933-41. Moskow, Tokyo and the prelude to the Pacific War. Pittsburg, 1992. P. 87-90.

Irina V. Nevolina

Nevolina Irina, postgraduate student of the Department of General History of Urals State Pedagogical University (620017, Russia, Ekaterinburg, Kosmonavtov Avenue, 26).

Телефон/Phone: +7 (343) 235-76-34.

Электронная почта/E-mail: nevolinairina@gmail.com

THE SOVIET-GERMAN RELATIONS OF 1939-1941S IN THE ANGLO-AMERICAN HISTORIOGRAPHY

The article analyzes the Anglo-American tradition of studying the German-Soviet relations of 1939-1941s. The author points out several stages in the study of the problem, the peculiarities of each stage, reveals the peculiarities of each stage. It is emphasized that the development of the Anglo-American historiography of the Soviet-German relations have been influenced by political and ideological factors, especially in the period of the «cold war».

Key words: historiography, Anglo-American historiography, Soviet-German relations, World War II.